

Мученичество

для России

характерно.

Это и культурный,
и исторический опыт.

Патриархальная страна!

Фото ЛИЯ МСТИСЛАВСКАЯ

СТИЛЬ: ЭЛЬМИРА ТУЛЕБАЕВА, ВИЗАЖ И ВОЛОСЫ: АЛЕНА КОНДРАТЬЕВА

БЛАГОДАРИМ АДМИНИСТРАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ ЗА ПОМОЩЬ В ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ СЪЕМКИ

Колье и серьги
Mercury, коллекция
Classic, трени Celine,
водолазка Tom Ford
На следующей странице:
серьги Mercury, платье Tom
Ford

**МАРИЯ
БРАЗГОВСКАЯ**

Психолог, выпускница Института Гештальта и автор масштабных психотерапевтических онлайн-курсов «Марафон чудес» Мария Бразговская делает свой вклад в эмоциональный интеллект петербуржцев и предлагает взять ответственность за свою жизнь 2,2 миллионam подписчиков в инстаграме и на ютьюбе. Судя по тысячам отзывов, некоторым удалось. Если это не чудо, то что это?

Вопрос ребром: чем «марафон чудес» Бразговской отличается от «марафона желаний» Блиновской?

Всем, кроме одного слова в названии. Мне показалось когда-то хорошим маркетинговым ходом использовать слово, которое было у всех на слуху, — до и помимо Елены. Но чудо для меня важнее желания, которое может быть ленивым и мелким. Чуду случиться помогает нечто большее, чем человек.

То есть вы с Блиновской не конкуренты?

Совершенно. Я работаю с глубокими травмами сексуального насилия, утрат, болезней, измен, патологическими особенностями поведения. У Елены иные задачи, это не хорошо и не плохо. Но сейчас я патентую другое название, чтобы избежать пересечений.

Марафонов действительно тысячи. Такое впечатление, что все, кто представлялся моделью в 2000-х и галеристкой в 2010-х, переквалифицировались в осознанных коучей.

Этика в профессии психолога и коуча никак не регулируется. Поэтому каждый зовется, как хочет. Главное, вещая на миллионную паству, не заболеть манькой-величкой. Саморефлексия, образование, повышение компетенции и супервизия (когда работу психолога сопровождает более старший коллега) — это обязательные требования к любому специалисту.

С откровенным бредом от инстакоучей сталкиваетесь?

Часто. Люди хотят безопасности и ничего не делать, поэтому ищут волшебную таблетку. И им навстречу спешит, например, «ведическая психология». Начнем с того, что веды нельзя читать женщине — основному адресату онлайн-курсов по теме. На этом можно и закончить, но в псевдоучении есть еще масса прекрасного, надерганного даже не из вед, а из Бхагавадгиты. И даже оно перевернуто с ног на голову. В итоге «ведическая психология» в инстаграме на 10% состоит из здравых вещей, за которые человек цепляется, и на 90% — из заманчивых глупостей, которые могут и жизнь порушить. Классический сектантский пирог.

Что за десять здравых процентов? Ну, например, что стоит уважать мужчину и заботиться о состоянии собственной благодати. Но это не уникально ведические мысли. А вот постулат о том, что женщина отвечает за финансовое состояние мужа, — хочется узнать,

как именно? Если ему не хватает мозгов и силы воли, на эволюцию уйдут миллионы лет. Еще замечательно звучит условие женственности «не работай, не достигай, терпи».

Тема терпения хорошо ложится на русскую душу, вам не кажется?

Мученичество для России характерно. Это и культурный, и исторический опыт. Патриархальная страна!

Как с терпением у вас лично? Неадеквататы, наверное, пишут тысячами.

Мне повезло с аудиторией. Хейтеры случаются, но и на солнце есть пятна. Их интересно наблюдать, как белых крыс в коробке: предсказуемые, управляемые. Бывает, ставлю опыты.

Несете ответственность за сказанное в адрес сетевых сумасшедших?

Точно нет. Вот если у клиента в моем кабинете случилась паническая атака, то оказать помощь — моя прямая обязанность. В онлайн-проектах много поддержки, но все равно людям, конечно, бывает больно. Это нормально. Любое изменение начинается с признания собственной роли в происходящем.

«Начни с себя» — это же любимый тезис российских властей. Считаете его справедливым?

Справедливость — не то, что мы можем наблюдать в рамках больших мировых процессов. Есть государства с более разработанной системой поддержки населения и предоставления ему финансовых гарантий. Есть менее. Мы не лишены выбора: жить ли здесь, принадлежать ли этому месту, стране. Ломоносов шел в Москву на лыжах, а сейчас самолеты летают куда угодно. Но нашим современникам иногда трудно даже переехать в район поближе к работе. Так что да, надо начать с себя и взять ответственность вот за что: злиться на ситуацию или ее менять.

Слово «ответственность», кажется, ваше любимое.

Потому что специалист не может никого переделать. Его задача — открыть пациенту дверь. Научить ходить. Но я не могу решить за человека, сделать вместо него. Многие люди ртом озвучивают желание «волшебного пенделя». Не совсем здоровая модель поведения: больно — и мотивации от этого больше не станет.

Реально ли замотивировать себя на бешеные деньги?

Не всем дано выкачивать недра или создавать соцсети. Но достичь уровня среднего класса, такой зажиточности — квартира, машина, отпуск два раза в год — способно большинство. Да, потребуются компетенции. Да, придется взять на себя риски. Но потенциал и талант (один, два или десять) есть у всех.

Может, это бесполезные таланты? Назовите мне талант, который нельзя монетизировать.

Допустим, плевки в длину. Это не талант, а навык. Но что мешает сделать его трендом в тик-токе? Предпринимательская жилка — уже талант.

Когда вы поняли, что у вас он есть? На втором курсе. Я тогда устроилась официанткой. Чаевых не хватало даже на такси до ресторана и обратно. И я подумала: в кафе бизнес-центра люди приходят не столько поесть,

сколько выдохнуть и поговорить. Пожалуй-ста: уже через год у меня был пул клиентов, которые оставляли на чай сумму больше счета. А в 18 отец подарил мне крошечную квартиру. И, поскольку в недвижимости был бум, я перепродала ее на стадии строительства. Добавила заработанные деньги, плюс рост цены за метр — получила хороший результат на финише. Я и сейчас люблю недвижимость как инвестицию.

Ваш онлайн-проект родился легко?

Из бизнес-плана на коленке. Мне хотелось вывести хорошую терапию в онлайн-формат. Деньги пришли следом. Цена участия поначалу была совсем скромной для такого количества часов. Сейчас она выросла втрое, качество проекта тоже. Так что все равно это гораздо ниже реальной ценности.

Существует мнение, что психотерапия не должна быть дешевой, чтобы пациент ощущал ценность сеанса.

В целом, так и есть. Благотворительно я работаю только с подростками. Взрослому клиенту в сложной ситуации я предлагаю решить, сколько он готов отдать за терапию. И, следуя этой логике, называю сумму на 10% больше.

Что человек получает от вас? Совет, поддержку, план действий?

Очень по-разному. Одна из моих самых глубоких сессий длилась 50 минут, из которых 48 пациентка молчала. Где-то в середине она была готова к тому, чтобы я взяла ее за руку. И только на последних двух минутах смогла сказать несколько слов о том, что ее мучает. Целительным было в этом случае как раз сострадательное молчание. Бывают ситуации, когда просто нечего сказать. Объективно нечего.

А случается, что хочется наоборот целую проповедь прочитать?

Психолог должен оставаться в метапозиции, не разделяя поступки на добро и зло. Например, измена — это плохо? Иногда она удерживает пару от развода или дает возможность вскрыть нарыв. Для меня верность — великая ценность. Но как профессионал не могу смотреть на проблему так узко.

Что делать, если особой драмы нет, а пациент пестует свои страдания?

Дать ему ясно понять: он пережевывает случившееся с ним дерьмо и не собираетса его сплюнуть. А потом помочь ему пойти дальше. Иногда без анестезии, иногда мягко.

Вы верующий человек. Это не мешает в работе?

Я так живу. Моего Бога у меня не отнять. Но у меня много клиентов атеистов, мусульман, буддистов. Не вижу проблемы. Даже если вы не верите в Бога, он-то верит в вас.

Что нельзя приносить к вам в кабинет?

Почти не работаю с наркозависимыми. Доводилось отказываться работать с родителями, которые требовали переделать детей, но не собирались переделываться сами. Еще не играю в игры: «Я не верю психологам, но докажите мне, что вы не верблюд».

Всех пациентов вы в итоге приводите в норму?

Да ни за что! Норма — это скучно. Любой успех ненормален. Все, что вызывает у нас любовь, восхищение, ненависть, желание подражать,

находится за рамками привычного и двигает прогресс. К тому же, есть вещи, которые просто нельзя трогать. Актрисе необходимо периодически драматизировать, повышая эмоциональную амплитуду, чтобы легче входить в роль. У бизнесмена, делающего сверхденьги, нельзя убирать агрессию, благодаря которой он и достигает таких мощностей. Надо просто научить его вовремя снимать крышку с кипящей кастрюльки, чтобы не обожглись близкие. Главное, чтобы у этих уникальных личностей оставались ценности. А они со временем, когда один еврей ходил по воде, не сильно изменились.

Но сверхденьги — это же про алчность. Какая тут ценность?

Необязательно. Можно в Бога богатеть, как царь Соломон. Деньги должны идти следом — за идеей, талантом, желанием сделать свое хорошее или даже жадной оставить след.

Мужчины к вам приходят именно с денежным запросом?

Нет, у них всё как у людей. Жены, дети, любовницы, партнеры, возрастные рубежи, мама, деньги. Но они чаще дотягивают с визитом до момента, когда помочь им в силах лишь фармакология. Где-то на седьмом круге ада.

А случаи #MeToo на работе бывали?

Нет. Человек же не переходит границы разом. Он сначала ставит ножку на половик, потом вторую за порожек... И вот тут нельзя упустить момент, когда он окажется всем телом на диване. Оттуда снимать и выпроваживать труднее.

Красивого и публичного психолога Наверняка не раз звали на ТВ. Что отвечаете?

Звали, зовут. Есть рациональные вещи, которые меня смущают. Во-первых, я не хотела бы жить в Москве. Это для меня слишком динамичный город. Там у меня будто бы появляется дополнительный мотор. А мне и в Петербурге-то иногда требуется усилие, чтобы остановиться и не загнать себя. Во-вторых, репутация. На телевидении ты ограничен форматом. Разбирать чьи-то отношения в жанре «Дома-2» или разводы в ток-шоу? Так там не психология нужна, а сеанс экзорцизма.

Вы очень строгая, Мария.

Перфекционизм сказывается. Привычка по жизни «резать, не дожидаясь перитонита», и можно без анестезии. Не настаиваю, что все готовы к такому экшну.

И сама сейчас тоже становлюсь другая, чем несколько лет назад. Бережнее и медленнее. Сделать пятилетку за год больше не стремлюсь. Перестала измерять результат стремительностью: и свой, и других людей. А раньше да, было такое. После развода прошло время, прежде чем появилась уверенность, что я сама могу очень многое. Помню, я полгода измеряла доход в автомобилях, купив свой первый на волне роста бизнеса. Я словно подтверждала себе: «Это правда». А потом поехала за продуктами и внезапно купила еще одну машину. Классом значительно выше. Я тогда переживала, как скажу об этом отцу. Думала, что он, человек с любимой фразой «надо жить по средствам», мне сейчас устроит разнос. А он просто сказал: «Я тобой горжусь». Спустила год я подарила себе Роллс-Ройс. Себе той, в которой я сомневалась. Мне больше не нужно все делать на пределе. Но очень понятна фраза Андрея Миронова: «Если я уймуьсь, то умру».

Пока СЕКСУАЛЬНЫЕ

домогательства СЧИТАЮТСЯ

ЗНАКАМИ

ВНИМАНИЯ, а в изнасилованиях

винят жертв,

Я

феминистка

ОКСАНА
ПУШКИНА

СТИЛЬ: ЭЛЬВИРА ГАРВСКАЯ, АССИСТЕНТ СТИЛИСТА: АЛЕКСАНДРА СКОПИНА, ВИЗАЖ И ВОЛОСЫ: ОЛЬГА ГЛАЗУНОВА

Колье и серьги
Mercury,
коллекция Classic,
плащ Peserico

Экс-журналистка ленинградского телевидения Оксана Пушкина

рассказывала о женщинах и типично женских проблемах задолго до #MeToo и популяризации фем-повестки. Сейчас она — главная феминистка Госдумы и инициатор принятия закона о профилактике семейно-бытового насилия.

Текст КСЕНИЯ МОРОЗОВА

Фото ЯНА ДАВЫДОВА

Вы выросли в довольно успешной семье, у вас было много разных увлечений и возможностей. Почему вы выбрали журналистику?

Образцом женщины и примером в жизни для меня всегда была моя мама — Светлана Алексеевна Пушкина. Всю свою жизнь она посвятила журналистке. Несмотря на возраст, мама по сей день продолжает работать на петрозаводском телеканале «Ника плюс».

Она пришла в журналистику в конце пятидесятих годов — во времена хрущевской оттепели, когда начался процесс реабилитации жертв сталинских репрессий, в частности, строителей Беломорско-Балтийского канала. Я — в начале восьмидесятых. В 1987 году молодой Леня Парфенов снял фильм «Дети XX съезда» о поколении шестидесятников, который он закончил словами «Без них не было бы нас», имея в виду наше перестроечное поколение. То же самое я могу сказать о своей маме и себе, причём не только в буквальном, но и в профессиональном смысле. Именно она научила меня тому, как рассказывать истории людей и через

конкретные человеческие судьбы показывать общество, страну и эпоху.

Вы на экране с 23 лет — мечтали ли вы о публичности?

О публичности я никогда не мечтала, скорее, стремилась реализовать себя в профессии. А быть при этом в кадре или за кадром — этот вопрос был для меня второстепенным. Но, конечно, когда со временем ко мне пришли признание и известность, я использовала публичность, прежде всего чтобы привлечь внимание к проблемам героев моих программ и по возможности помочь им. Создатели современных ток-шоу, возможно, не поверят, но я никогда не платила людям за участие в программах. Этот этический принцип журналистики соблюдался неукоснительно. При этом все, о чём говорили мои герои, я пропускала через себя: пыталась понять, прочувствовать, помочь — таков был мой творческий метод. Я не бросала людей, которые открывали мне душу. Через мои программы прошло больше тысячи героев, и многих из них я сегодня могу назвать

приятелями, товарищами и друзьями. Они — моя самая большая ценность в жизни.

Какой была ленинградская журналистика, когда вы начинали карьеру? Каким было ваше место в ней?

Ленинградское телевидение в восьмидесятые для многих советских людей было глотком свежего воздуха. Центральное телевещание в те годы представляло собой печальную смесь из посевных, надоев и каких-то бесконечных съездов. Если на экране кто-то целовался, то только «дорогие товарищи» из ЦК КПСС с руководителями стран «народной демократии». В Ленинграде же было больше свободы творчества, да и сама атмосфера подталкивала к экспериментам: первый в стране рок-клуб, неподцензурное искусство, неформальные объединения молодежи — все это было ново и интересно для нас, журналистов. Один день в неделю был отдан для вещания молодежной редакции, где я работала корреспондентом. Мы с Невзоровым вели прямые эфиры в программе «Открытая дверь», потом у меня был свой цикл программ, который назывался «Видеопортрет». Теперь перестройку принято вспоминать как эпоху дефицита, очередей и разгула преступности. В моей памяти она осталась временем открытий и надежд, многие из которых, к сожалению, не оправдались.

В середине 90-х вы жили в США. Каким этот опыт стал для вас?

Российское телевидение начала девяностых открывало для себя то, что в западных странах уже было хорошо известно и описано в учебниках — мы в каком-то смысле «изобретали велосипед». Поэтому когда в 1993 году мне предложили пройти стажировку в США, чтобы изучить менеджмент и маркетинг частных телевизионных станций, я поняла, что это мой шанс, и согласилась.

Поначалу, конечно, испытала культурный шок, ведь я переехала в Калифорнию с сыном, не зная английского языка и не представляя себе, как устроена жизнь там. Со временем все наладилось: я жила и работала — снимала программы для петербургского телевидения. На Первом канале тогда выходила программа «Америка с Михаилом Таратутой», а у нас в Петербурге — «Американские встречи с Оксаной Пушкиной». Но оставаться в США навсегда я не планировала, поэтому в 1997 году, набравшись необходимого опыта, решила вернуться на Родину.

«Женский взгляд» Оксаны Пушкиной — какой он? И как он менялся с 1999 по 2013 год?

Он внимательный, вдумчивый и неравнодушный. Мои главные проекты в тележурналистике — сначала «Женские истории», затем «Женский взгляд» — были ориентированы прежде всего на женщин: в них я рассказывала о многочисленных проблемах, с которыми сталкиваются люди в своем стремлении к самореализации и счастью. При этом за кадром моих программ всегда работала целая общественная приемная, я старалась по возможности помогать своим героям — кому-то с организацией лечения, кому-то с временным жильем или работой. И от программы к программе я все больше больше понимала, что женщины в нашей стране часто даже не осознают причины

своих проблем. Бьет муж? Ну, так же было всегда: бьет — значит любит. Ушел к другой? Сама виновата, не смогла удержать. И так далее… Когда общаешься не с десятком, не с сотней, а с тысячей людей, за несчастьями одного человека видишь системную проблему всего общества. Если сначала я говорила о русских женщинах, как о самых красивых и чувственных, то сейчас считаю нас самыми терпеливыми в мире.

Как и когда у вас сформировались феминистские взгляды?

Никакого перехода к феминизму, разумеется, не было. Я всегда придерживалсь тех же взглядов, что и сейчас. В последнее время вокруг понятия «феминизм» возникает много споров, и уже не до конца ясно, как его понимать. Я всегда выступала за равные права и возможности для женщин и мужчин. Это феминизм? Значит, я всегда была феминисткой. Пока мужчины-политики в России исповедуют сексизм и не стесняясь заявляют, что «место женщины на кухне», «истинное предназначение — рожать детей», я феминистка. Пока сексуальные домогательства считаются знаками внимания, а в изнасилованиях винят жертву, я феминистка. Пока в России мужаь отрубают женам руки, пристегивают их к батареям, забирают паспорта, а полиция смотрит на это сквозь пальцы, я феминистка. Пока в мир не придет равноправие, взаимопонимание и терпимость, я феминистка.

Вам близок курс, главенствующий сегодня в российской политике?

Сегодня Россия живет, как осажденная крепость: нам постоянно говорят, что «повсюду враги», и это провоцирует в людях нетерпимость и ненависть друг к другу. Чтобы изменить ситуацию, нужны новые подходы в государственной политике. Национальным приоритетом должна стать борьба с насилием, прежде всего, с насилием в отношении близких. Необходимо дать людям возможности для самореализации: создавать новые рабочие места, вводить масштабные программы по обучению и переподготовке кадров, поддерживать предпринимательство. Но главное — пропагандировать позитивный и созидательный взгляд на мир, показывать людям образ будущего, в котором нет места ксенофобии, национализму и милитаризму, где высшими ценностями являются сопереживание и уважение к человеческому достоинству. История нашей страны — это не только репрессии, войны и многомиллионные человеческие потери. Были в ней и периоды созидательного труда, международного сотрудничества на благо мира. Были грандиозные прорывы в науке, искусстве, спорте — вот на чем нужно строить официальную идеологию. Государство должно вдохновлять, а не запугивать, мотивировать, а не доминировать над гражданами. Тогда и характер отношений между людьми изменится кардинально.

Как и почему вы решили пойти в политику?

Поворотный момент случился в 2014 году, когда мне предложили войти в состав

Общественной палаты Московской области. Я согласилась и возглавила там Комиссию по качеству жизни граждан, здравоохранению, социальной политике и трудовым отношениям. Летом следующего года Московская областная Дума утвердила меня в должности Уполномоченного по правам ребенка в Подмосковье, и это стало еще одним шагом в большую политику. Занимаясь защитой прав и законных интересов детей, я поняла, что множество проблем в сфере материнства и детства носят системный характер, их причина — несовершенство действующего законодательства. Тогда я окончательно решила идти в Государственную Думу, чтобы разрабатывать законы, адекватные реалиям сегодняшнего дня.

Закон о профилактике семейно-бытового насилия — что с ним происходит сейчас? Какие перспективы? Будет ли он все же принят?

На сегодняшний день законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» полностью готов к внесению в Госдуму и рассмотрению в первом чтении. Есть договоренности, что вносить его будет Совет Федерации, мы же выступим в роли соавторов. Я очень надеюсь на принципиальную позицию председателя верхней палаты парламента Валентины Ивановны Матвиенко, которая поддерживала нас все время работы над законопроектом. Но консервативное лобби в России сегодня очень сильно — они делают все, чтобы не допустить принятие закона. При этом общественное мнение на нашей стороне: по подсчетам ВЦИОМ и «Левада-Центра», закон против домашнего насилия поддерживают от 70 % до 79 % россиян. А значит, рано или поздно он будет принят. Так что свою работу я делаю не зря, и все наши наработки так или иначе будут востребованы.

Каково быть главной феминисткой Госдумы? Что помогает вам выдерживать давление?

Я никогда не предполагала, что мне придется стать главной феминисткой Госдумы или защитницей прав людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Но так случилось! Просто такие люди есть, проблемы есть, а заниматься ими никто не хочет: кто-то брезгует, кто-то стесняется, кто-то боится. Умение самостоятельно и независимо формулировать свои мысли, озвучивать их на государственном уровне дано не всем. Когда я жила в США, многие американцы шарахались от меня, как от чумы — советской и марксистской. И я представить себе не могла, что, вернувшись в родную страну, получу от консерваторов ярлык прозападного политика. Вопросы, которыми я занимаюсь, поднимались в Государственной Думе и до меня. Их в свое время озвучивали разные депутаты, но эти инициативы были ограничены одной конкретной темой, не хватало системности: кто-то говорил про аборты, кто-то — про гендерное равенство. Я же взяла на себя всю большую женскую повестку, которая, к сожалению, идет вразрез с нынешним консервативным уклоном. Поэтому возник такой накал страстей с публичной травлей и анонимными угрозами.

Сохранить себя помогает уверенность в собственной правоте. Гендерное равенство — во все не прийти феминисток, а необходимое условие для развития страны. Сегодня экономическая активность женщин в России составляет 56,6 %, мужчин — 71 %. При этом работающие женщины в целом образованнее, кроме того, они больше привязаны к своему рабочему месту. Финансовые показатели компаний с превалирующим женским или смешанным штатом выше, чем с мужским. По подсчетам Минэкономразвития, если бы экономическая активность женщин у нас была такой же, как в Норвегии (61 %), то российский ВВП повысился бы на 4 %. Если эти показатели для мужчин и женщин сравниваются, это добавит ВВП России 13–14 %.

Возможно ли в России победить домашнее насилие?

Победить домашнее насилие можно и нужно. Первый и необходимый для этого шаг — вернуть домашние побои в Уголовный кодекс. В 2017 году российский парламент совершил большую политическую ошибку, поддержав их декриминализацию. Это развязало руки домашним тиранам. Государство фактически сказало им: «Бейте женщин и детей, мы закрываем на это глаза». А ультраконсерваторы оправдывали такое решение цитатами из Библии.

Следующий шаг — принятие закона о профилактике семейно-бытового насилия, где будет четко прописано, что такое домашнее насилие и преследование, кто входит в круг пострадавших — все необходимые понятия и процедуры, в том числе выдача охранных ордеров. Государство должно дать четкий сигнал обществу: власть на стороне пострадавших, а не их мучителей. Домашнее насилие — не традиция, а преступление, за которым неотвратимо последует наказание. Убеждена, что даже этих двух шагов будет достаточно, чтобы значительно снизить число случаев домашнего насилия в нашей стране. И рано или поздно все это будет сделано. Женщин в России 54 %, мы должны формировать тренды государственной политики. Я буду бороться за это всеми возможными способами — законодательными, медийными, гуманитарными.

Оглядываясь назад, могу сказать, что за последние пять лет российский женщины стали лучше понимать свои права. Если в начале депутатской работы я сотрудничала с отдельными общественными организациями, борющимися с домашним насилием, то сегодня созрело целое движение за женское достоинство и безопасность. Поговорите с молодыми россиянками, и вы поймете, что большинство из них разделяют наши ценности и цели. За время работы в Госдуме седьмого созыва мне удалось заложить свой кирпич в фундамент здания, которое будут строить новые поколения россиянок. И я горжусь тем, что в числе первых внесла свой вклад в общее дело. Я не поступилась принципами в угоду политической выгоде, сохранила себя и не подвела людей, которые мне доверяют. С мандатом или без, я продолжу говорить то, что думаю, делать то, что считаю нужным, и верить в то, что дает мне силы жить и двигаться дальше.

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ — НЕ ТРАДИЦИЯ, А ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЗА КОТОРЫЙ НЕОТВРАТИМО ПОСЛЕДУЕТ НАКАЗАНИЕ

СТЫД

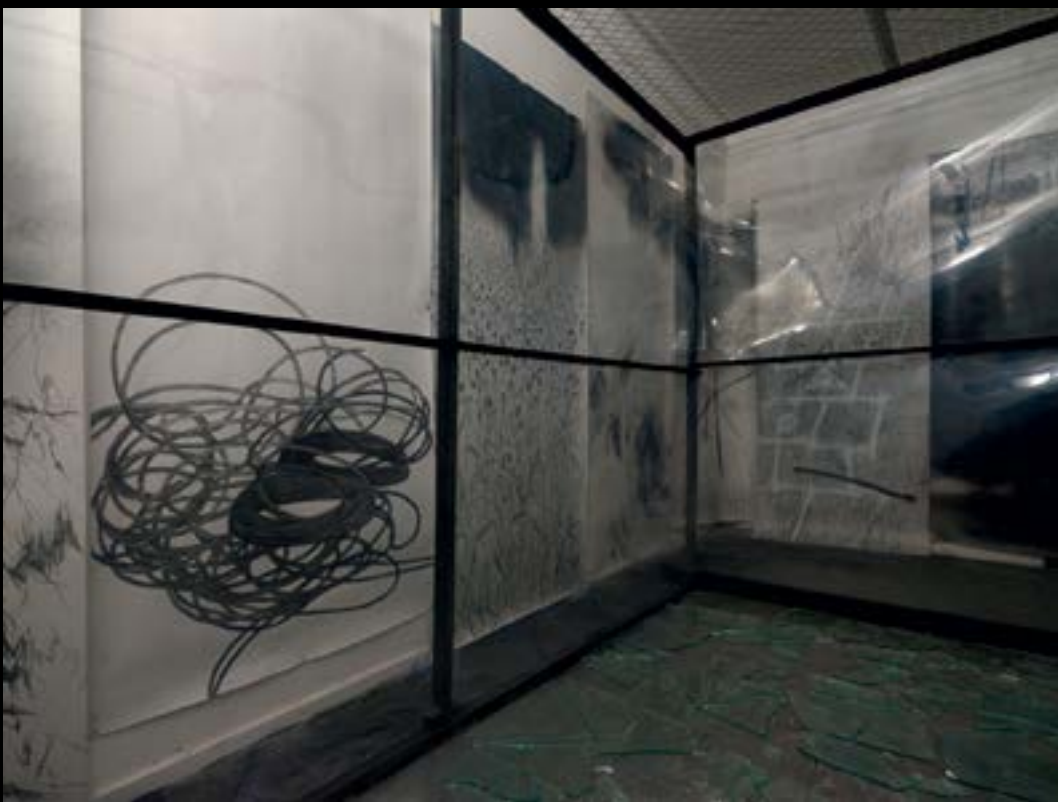
Фото ДИМА ТАБУ

Независимое пространство «Стыд» — коллаборация художницы Александры Гарт, гейм-дизайнера Евгения Кузьмичева и куратора, арт-журналиста Александры Генераловой — открылось на Матиссовом острове сразу после локдауна и предложило зрителю идеальный для времени пандемии формат: вход строго по одному, никаких вернисажей, черные маски и перчатки.

На Жене Бузьмичеве: худи **Amiri**, жилет **Dorothee Schumacher**, шорты **Givenchy**, шлепанцы **Balenciaga**, цепь с подвеской **Ambush**, цепь **Dzhanelli**, кафр и кольцо **Alexander McQueen**. На Саше Генераловой: жакет и топ **Versace**, брюки **Balmain**, босоножки **Gianvito Rossi**, ожерелье **ZBBB**. На Александре Гарт: платье **Jacquemus**, шорты **Versace**, моли **Bottega Veneta**, браслет **Alexander McQueen**, ожерелье **ZBBB**.

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР И СТИЛИСТ: ДИМА ТАБУ. АССИСТЕНТ СТИЛИСТА: АННА ПОМЫКАНОВА. ВІЗЖ І ВОЛОСЫ: ОЛІА ЗМЕРЮКА. ПЕРІ-АРТ: ЯНА ПРОСВІЯКОВА. СВЕТ: СКУРОНТ.

Куратор Александра Генералова объясняет, зачем закрывать зрителя наедине с нойз-машинами и тотальными инсталляциями и почему самое важное — не ныть и создавать вокруг себя комьюнити.

Два года мы с гейм-дизайнером и моим бывшим коллегой по Эрмитажу Евгением Кузьмичевым делали проект-исследование современной визуальной культуры «Маргинальный дизайн». Например, показывали шрифтовой дизайн в виде арт-объектов в техно-клубе Mosaic на выставке Cruel letter и прямо на танцполе устроили лекторий о блэк-метале и леттеринге немецких книг XVII века. К нам в Петербург приезжали европейские дизайнеры, например, Джонатан Кастро, который делал коллабы с Nike, Burberry и Van Gogh Museum. В независимом пространстве FFTN мы показывали сайт-специфическую ризографическую инсталляцию берлинской студии Outer Space Press, литографию киевских художников и мультимедиа-проект итальянского шрифтового дизайнера Джанлуки Лоринго. Александра Гарт много лет занимается печатной графикой и сочетает традицию ленинградской графической школы и эстетику берлинских техно-клубов. Ее любимые сюжеты: купчинские пятиэтажки, черный глитч, техно-березы и сетка-рабица. Гарт создает тотальные инсталляции, в которых линкует графику (иногда огромных размеров), звук и свет. У нас троих был общий взгляд на выставки: каждая деталь должна работать на идею — от дизайна этикетки до состава и цвета коктейля на вернисаже.

«Стыд» — это в первую очередь идея, а не место. Мы создаем условия для индивидуального опыта посетителя в пространстве и его столкновения с искусством. «Стыд» — это замедление, вход в пустоту, отсутствие привычных зацепок, характерных для похода на арт-проект: открытий и игристым, кураторских текстов, возможности

обсудить происходящее с другом. Наши правила кажутся некоторым странными: посетитель должен зайти в «Стыд» один и провести наедине с проектом 15–20 минут. Он может делать все, что хочет: снимать видео, лежать на полу или закрыть глаза и вообще ничего не рассматривать — то есть самостоятельно выбирать способ взаимодействия с произведениями или инсталляцией. Так совпало, что мы открылись в июле, во время пандемии, когда придуманные нами гайдлайны стали вынужденной мерой для галерей и музеев. Сами того не желая, мы попали в дух времени. Смысл самого названия «Стыд» пусть остается для зрителя загадкой, главное, что забыть его сложно и оно запускает цепочку ассоциаций, у каждого — своих.

Сейчас мы находимся в здании бывшей картографической фабрики на берегу реки Пряжки. Комплекс состоит из нескольких зданий. Главное, построенное в конце XIX века, напоминает небольшой городской особнячок с трогательным балконом и видом на набережную. Внутри сохранились детали из прошлого — лепнина, советские таблички и мебель, старые сейфы для документов. Второе здание своим фасадом напоминает берлинский техно-клуб Berghain. Пространство вокруг Пряжки не тронула урбанизация и джентрификация, хотя в 10 минутах от нас находится «Новая Голландия». Больше всего по духу это

«Стыд» — это замедление, вход в пустоту, отсутствие привычных зацепок

район напоминает фильм Юрия Мамина «Окно в Париж». Тут ты не понимаешь, в каком времени находишься, — в семидесятых, девяностых или нулевых. Матисов остров — место, где многие петербуржцы никогда не были: там почти нет жилых домов. Гости «Стыда» часто впервые оказываются на Матисовом острове — в мистическом месте, где сосуществуют психиатрическая лечебница, завод «Адмиралтейские верфи» и наша фабрика, где арендуют мастерские художники, флористы, кошачий приют, детская креативная студия и курсы стрип-пластики.

Наш первый трехчастный проект так и назывался — «Стыд» и был посвящен размышлениям о постыдных экспозиционных и кураторских практиках. Мы не давали никакого четкого описания и даже не публиковали адрес, только изображение и короткий текст, такой абстрактный хип-хап. Мы намеренно сообщаем посетителям минимум информации и спойлеров, чтобы сохранить свежесть первого столкновения с проектом. Самое важное для нас — отзывы посетителей: «Это словно оказаться внутри фильмов Тарковского»; «Темный мистический опыт»; «Странно, я вспомнил фрагмент из детства, о котором совершенно забыл». Некоторым гостям тяжело воспринимать такой иммерсивный формат — к нам приходят не только люди из арт-тусовки, но и случайные гости, прочитавшие о «Стыде» в медиа или в подборке агрегатора билетов Tіperad. В мае мы сделали восьмой, свой самый экспериментальный проект — «Нет, это не больно» художницы Маяны Насыбулловой, которая большинству известна серией объектов «Ленин для души»: Ленин-уточка, Ленин-невалашка. Для «Стыда» Маяна создала восемь тактильных шумовых скульптур и играла на них лайв для каждого посетителя — индивидуальный нойз-перформанс. Самый ценный отзыв после этого лайва такой: «Я выдержала минут 5 внутри, там просто все мои персональные триггеры собрали в одной комнате. Адски боюсь фильмов Кроненберга и клипы Arhcx Twіn с собаками, а тут меня в этом заперли». (Мы никого не запираем на ключ, дверь всегда открыта. — Прим. авт.)

Вход в «Стыд» стоит 300 рублей, столько же стоит билет в ЦВЗ «Манеж», поэтому некоторые представители арт-сообщества нас критикуют. Достаточно высокая цена за 15-минутный сеанс — это фильтр, который отсеивает обычных выставочных фланеров. Вокруг нашего места сформировалось небольшое комьюнити — люди, которые приходят на каждый проект и разделяют наши взгляды. Мы понимаем, что не можем конкурировать с галерейными площадками или проектами с серьезным бюджетом, но не скатываемся в привычный андеграундный формат «из палок и тряпок». Если для проекта нужно звуковое оформление, мы обращаемся к саунд-дизайнеру, если нужен продуманный дизайн, то привлекаем архитектора. Например, в начале июня откроется проект художника Никиты Панина и архитекторки Анны Ильиной, исследующий эстетику криптоискусства (искусства, которое продается в формате NFT) через визуальность фресок раннехристианских крипт.

У нас двойственное отношение к независимым художественным пространствам. По сути, они — нулевой уровень арт-рынка, полгон для экспериментов, невозможных в галереях, музеях и коммерческих коллаборациях. Например, после выставки Thanks for nothing в «Стыде» художница Вероника Ивашкевич начала сотрудничать с московской галереей Osnova, а проект Александры Гарт «Провал» приобрел петербургский коллекционер Сергей Лимонов. Но важно

не переоценивать собственные возможности: если ты независимое пространство, то либо тебе надо искать гранты и спонсоров, либо рассчитывать только на себя. Часто бывает так: художники снимают хорошее помещение, а потом не могут платить аренду или перегорают из-за того, что вкладывают много усилий и времени, но не получают фидбэка от арт-сообщества. Мы понимаем, что в первую очередь нужны сами себе, поэтому характерное петербургское нытье нам чуждо.

В городе есть несколько важных для нас пространств, созданных художниками и кураторами на свои деньги. Во-первых, FFTN Ильи Гришаева и Ирины Аксеновой — 5-метровая комната, в которой выставлялись все, от Петра Швецова до неизвестных в Петербурге авторов из Липецка. Во-вторых, 24x4 gallery Виктора Кудряшова — 4 экрана в арке «Бертгольд-центра», где показывают работы мировых звезд медиаискусства вроде Рафаэля Розендала, пионера net-арта. В-третьих, пространство Invalid House стрит-артистов Константина Ставрова, Павла Безора и Максима Кишкина, которое открылось совсем недавно и работает по близким нам принципам. В европейских городах таких мест много, и именно они создают то самое движение и жизнь на арт-сцене, из-за которого мы ездим в Берлин или Копенгаген.

По большому счету «Стыд» работает на стыке искусства и индустрии развлечений — нам нравятся двигаться в эту сторону. Мы не держимся за наше текущее пространство и не мыслим себя андеграундом. Сейчас мы — 20-метровая комната на Пряжке только потому, что мы хотели затестить нашу концепцию на практике, без ущерба собственному бюджету и без надрыва, характерного для независимых инициатив. Главное, что мы умеем, — придумать цельную историю и собрать ее в проект. Если «Стыд» будет востребован и нужен зрителю, мы продолжим работать, переносить формат в разные пространства и мероприятия. Если нет — будем исследовать новое поле. Печально тянуть лямку петербургского культуртрегерства — это не про «Стыд».

«DEFRAG (Q): BLOCKS»
ВЛАДИМИР ОМУТОВ

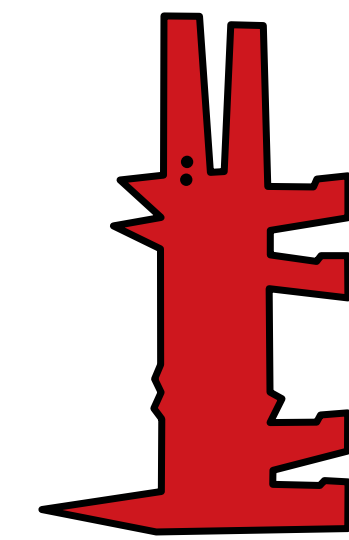
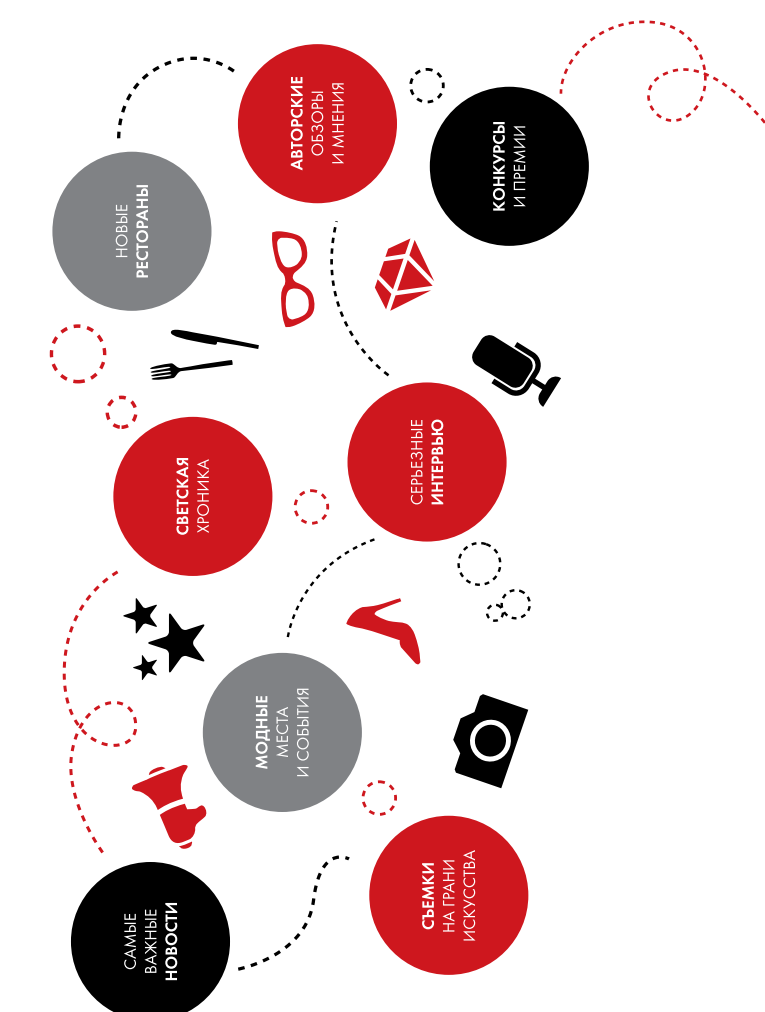
Проект краснодарского скульптора, который работает с эстетикой блэк-метала и пост-интернета. Готические шрифты растекаются по полу, на стене висят случайные картинки с обнимающимися школьницами, пространство разрезают огромные шипы, а нож всегда наготове, даже если он покрыт черным блестящим силиконом.

«THANKS FOR NOTHING»
ВЕРОНИКА ИВАШКЕВИЧ

Камерный иммерсивный спектакль, посвященный политической ситуации в Беларуси — родине художницы — в августе–сентябре 2020 года. На тему проекта не намекала ни одна деталь, не было политических высказываний в лоб. В пространстве «Стыда» Вероника воссоздала атмосферу старого семейного дома бархатными занавесками, графикой на стенах с винтажными обоями и креслами, купленными на Уделке. Атмосферу тревоги создавал саунд-дизайн Антона Шанихина — глухой звук телевизора, по которому круглые сутки идут новости.

«ПРОВАЛ»
АЛЕКСАНДРА ГАРТ

Тотальная инсталляция: двенадцать черно-белых графических листов, конструкция из стекла и рабицы, темнота, прорезаемая лучом фонаря, и тревожные звуки метронома образовывали пространство безвременья, в котором находился зритель. Проект, который сравнивали с Еврейским музеем в Берлине, хоррор-видеоиграми, Бергхайном, пещерой Платона и домом, который мог расписать Гойя. Инсталляцию «Провал» в свое собрание приобрел петербургский коллекционер и инвестор ресторанов Duoband Сергей Лимонов.

ВСЕ ЛУЧШЕЕ, ЧТО ЕСТЬ
В БЕЛГОРОДЕ И КУРСКЕ

SOBAKA.RU/BELGOROD
SOBAKA.RU/KURSK

ФОТО: АРХИВЫ ПРЕСС-СЛУЖБ